

Сы Ханьцзюэ нахмурился, ему всё казалось, что сегодня Тан Сяотан ведёт себя странно.

Он наклонился и откусил кусочек яичницы-глазуньи. Хрустящая корочка, упругий белок и нежный, наполовину жидкий желток один за другим раскрылись у него во рту. Ароматный горячий пар поднялся, сгустившись в роскошное послевкусие.

Равномерно рассыпанные крупинки соли растаяли и испарились в нужном жаре, смешавшись с маслом. Солоноватый аромат и характерный запах яиц смешивались и сталкивались, взрываясь на вкусовых рецепторах чередой потрясающих искорок.

Сы Ханьцзюэ удивился. Он никогда не думал, что обычная глазунья может быть такой вкусной.

Будто вкус из памяти, или будто новое начало, рождённое в глубине души.

Сы Ханьцзюэ сделал паузу.

— Откуда ты знаешь, что я люблю это?

Тан Сяотан подавился конфетой, щёки раздулись от ещё не проглоченного мармеладного мишки.

— Просто... я услышал, как хозяин говорил во сне.

Тан Сяотан закатил глаза.

— Хозяин сказал, что хочет яичницу-глазунью, и чтобы бабушка её приготовила.

Ресницы Сы Ханьцзюэ дрогнули. Его голос невольно понизился, в нём даже появилась редкая осторожность.

— Я звал бабушку?

Тан Сяотан моргнул.

— Да, хозяин прошлой ночью видел во сне бабушку.

Сы Ханьцзюэ слегка опешил.

Прошло уже так много, так много времени с тех пор, как он последний раз видел во сне ту элегантную и добрую старушку.

Так много, что, беря в руки старую фотографию, в какие-то мгновения он уже начинал чувствовать, что человек на снимке становится чужим.

Старушка была знатного происхождения, с детства её окружала бесчисленная прислуга, её руки никогда не касались весенней воды, и до самой старости она ни разу не заходила на кухню.

Пока она не забрала к себе маленького внука, изгнанного из семьи Сы. Маленький Сы Ханьцзюэ, по природе своей отстранённый, относился к этой не слишком знакомой старушке с большой настороженностью, холодно и отчуждённо. Чтобы порадовать внука, она снизошла до готовки и под руководством повара, в суматохе и спешке, поджарила яйцо до угольков.

Но, к её удивлению, маленький Сы Ханьцзюэ, увидев еду, которую кто-то лично для него

приготовил, покраснел глазами и, как волчонок, кусочек за кусочком разорвал и проглотил всё яйцо.

Старушка слегка нервничала, упрямо утверждая, что это сделал повар, и если невкусно — значит, виноват повар.

Горький запах гари заставил слёзы ручьём течь по лицу маленького Сы Ханьцзюэ. Он поднял своё личико, с чёрными хрустящими крошками вокруг рта, и сквозь зубы произнёс:

— Вкусно!

Старушка с облегчением улыбнулась. Конечно, вкусно. Если вкусно — значит, приготовила она.

Маленький Сы Ханьцзюэ замер, а затем рассмеялся, развлечённый милой наглостью бабушки.

Это был первый раз, когда внук и бабушка открылись друг другу.

Все те годы, пока бабушка была жива, на столе у Сы Ханьцзюэ, что бы ни огорчало его, всегда появлялась яичница-глазунья.

Раскалённое масло, щепотка соли, просто, но этот вкус, переплетённый с памятью и детством, стал незаменимым лакомством.

Навыки бабушки в жарке яиц стремительно росли, и вскоре она уже в совершенстве овладела умением контролировать степень прожарки желтка.

С тех пор как старушка ушла, Сы Ханьцзюэ много лет не пробовал того же вкуса.

— Приснилась бабушка... — длинные ресницы Сы Ханьцзюэ опустились, скрывая все эмоции в глазах.

Он произнёс рассеянно:

— Скоро же день её памяти.

Когда северный ветер приносит холод с непрерывных горных хребтов, значит, приближается день памяти бабушки.

Тан Сяотан покачал своими маленькими ушками.

— Конфетка пойдёт с хозяином навестить бабушку, хорошо?

Сы Ханьцзюэ глухо крикнул в ответ, за несколько укусов съел ту глазунью, бросил тарелку в посудомоечную машину, посадил Тан Сяотана на плечо и, взяв чашку кофе, устроился на диване. Человек и конфетка стали слушать утренние новости.

Тан Сяотан уселся на плече Сы Ханьцзюэ, обеими маленькими ручками нервно прижимая свои трусики, покачивая ножками и с виноватым видом наблюдая за выражением лица хозяина.

— Конфетка хорошо приготовила яичницу? — тихо спросил Тан Сяотан.

— Вкусно, — Сы Ханьцзюэ слегка повернул голову, коснувшись кончиком носа мармеладного мишки на своём плече.

Сладкий аромат нежно обволок его, проникая в самую глубь.

Побыв немного в этой нежности, Сы Ханьцзюэ встал, чтобы собрать вещи и подготовиться к походу на работу вместе с мармеладным мишкой. Но Тан Сяотан вдруг проявил несвойственную ему раньше стеснительность.

— Конфетка может сегодня остаться дома?

Тан Сяотан моргал глазами.

— Потому что конфетка готовил хозяину завтрак, всю ночь не спал, очень устал. Можно сегодня поспать дома?

Сердце Сы Ханьцзюэ растаяло, и он тут же согласился.

— Конечно, можно!

— Хе-хе, — Тан Сяотан задорно поднял личико и чмокнул хозяина.

Когда Сы Ханьцзюэ выходил, маленький мармеладный мишка топал за ним, одной ручкой держась за трусики, а другой размахивая маленьким носовым платочком, оторванным от пакетика с конфетами, и смотрел с журнального столика на уходящего хозяина.

Сы Ханьцзюэ с улыбкой посмотрел на него и очень охотно, стоя в прихожей, помахал ему в ответ.

Мармеладный мишка усмехнулся.

Только когда дверь закрылась и фигура Сы Ханьцзюэ исчезла, Тан Сяотан наконец облегчённо вздохнул, плюхнулся на пол, и его кругленький животик моментально сдулся. Трусики, едва державшиеся на животе, с шумом упали, превратившись в два лоскута ткани.

Чуть конфетку не хватило удар.

Тан Сяотан, всё ещё переживая, уставился на свои испорченные трусики, скинул их парой движений, подбежал к планшету, открыл «Конфетку господина Сы», пролистал до комикса «Бабушкина яичница-глазунья» и поставил на нём галочку.

Что дальше?

Тан Сяотан с серьёзным видом уставился на каждый кадр комикса. Что же дальше...

Всё, что этот Тан Тан хотел сделать с хозяином, конфетка тоже должна сделать с хозяином!

Тан Сяотан потер маленькие ручки. Нынешняя конфетка очень могущественна!

Прошлой ночью, после томительного, обжигающего жара, розовое маленькое тельце медленно вытянулось. Медово-красный цвет поблёк, превратившись в чистую молочно-белую кожу. Черты лица выточились и изменились, приняв облик изысканного и красивого юноши.

Стройная, изящная ножка вытянулась на тёмной простыне, ослепительно белая.

Раздался лёгкий звук разрыва ткани. Тан Сяотан, прикрывая одной рукой область между своих теперь длинных ног, а другой держа порванные белые трусики, смотрел широко раскрытыми,

влажными, как у оленёнка, глазами, с удивлением и страхом разглядывая свои длинные, чёткие пальцы.

Мама-утка!

Я правда стал человеком-уткой???

Впервые став человеком, Тан Сяотан сильно испугался.

Нежная, как свежий тофу, белая и гладкая кожа была такой мягкой, что, казалось, из неё можно было выдавить воду. Длинные ноги согнулись, наполовину прикрывая, наполовину обнажая то, что раньше было миленькой, а теперь беленькой и нежной шишечкой, и... два яичка, которые хозяин собственноручно для него сделал.

Тан Сяотан украдкой взглянул и застыдил, как спелый персик, весь источая сладкий алый румянец.

Не такие большие, как у хозяина, но... но у конфетки они милее!

Бёдра и линия талии плавно шли от двух идеально пропорциональных длинных ног, словно сделанные одним мазком туши для румян, источая соблазнительное благоухание. Белая грудь была покрыта тонкими, красивыми мышцами, излучая юношескую, полную жизни ауру.

Он выглядел сладким и милым. Приблизившись к Сы Ханьцзюэ, его наивный, чистый взгляд метался между своим внезапно изменившимся человеческим телом и телом хозяина, внимательно сравнивая различия между собой и своим любимым хозяином.

Вьющийся чубчик Тан Сяотана щекотал чувствительную кожу на шее Сы Ханьцзюэ. Тот издал соблазнительный носовой звук, казалось, вот-вот проснётся!

Тан Сяотан, не моргая, уставился на Сы Ханьцзюэ круглыми глазами. Он приложил ладонь к ресницам хозяина. Густые ресницы Сы Ханьцзюэ задрожали, словно нечаянно коснувшиеся щупальца бабочки, вызывая зуд и заставляя светиться глубину глаз. Сы Ханьцзюэ уже собирался проснуться, как тёплый сладкий аромат нежно обволок его. Дыхание Тан Сяотана, подобное тонкому, туманному лунному свету, вновь увлекло Сы Ханьцзюэ в сон.

Впервые Тан Сяотан увидел хозяина с такого ракурса. Опираясь на грудь Сы Ханьцзюэ, соприкасаясь с ним кончиками носов, переплетая дыхание, он сладко улыбнулся, а затем не удержался и, наклонившись, украдкой поцеловал хозяина в лоб...

Сажаясь в машину, Сы Ханьцзюэ машинально пристегнул ремень безопасности на пассажирском сиденье, и только потом осознал, что его мармеладного мишки сегодня нет рядом.

Отсутствие рядом мармеладного мишки вызывало странное чувство непривычности.

Казалось бы, мармеладный мишка появился в его жизни всего несколько месяцев назад, но было ощущение, будто так и должно было быть, будто он оставил след в каждой части жизни.

Он усмехнулся над собой, почувствовав, что внезапно стал уязвимо чувствительным.

Твёрдое, холодное сердце обрело слабое место — это крайне опасно.

Сы Ханьцзюэ тяжело вздохнул. Что поделаешь.

Машина проехала половину пути, когда его тёмные зрачки медленно сузились. То странное, необъяснимое чувство несоответствия, что было раньше, начало понемногу проясняться.

— Как такая маленькая конфетка смогла поднять такую большую сковороду и без малейшего напряжения поджарить почти идеальное яйцо?

Сюжет был изменён: мармеладный мишка не звонил Цзян Юю, а также добавлены некоторые детали превращения в человека.

<http://bllate.org/book/15589/1395461>